

ЯЗЫК РОДНОГО КРАЯ

Результатом многолетней работы диалектологов Вологодского государственного педагогического университета стал Словарь вологодских говоров, региональный словарь дифференциального типа. В статье освещаются некоторые вопросы истории создания словаря, характеризуются особенности представленной в нем диалектной лексики, показываются уже определившиеся аспекты использования словаря в качестве источника лингвистического материала.

Диалектная лексикология, лексикография, аксиология, региональная языковая картина мира.

The regional differential type Vologda Dialects Vocabulary is a result of a long-term research of Vologda State Pedagogical University dialectologists. The article considers some points concerning the history of its creation, describes the peculiarities of dialectal lexicology, gives up the total quantity of vocabulary clauses, determines the aspects of vocabulary usage as a source of linguistic material.

Dialectal lexicology, lexicography, axiology, regional linguistic picture of world.

Прошедший век ознаменовался созданием большого количества региональных словарей русского языка. Среди них определенное место занимает Словарь вологодских говоров (далее – Словарь) [12]. В настоящее время он существует в виде двенадцати отдельных выпусков, изданных Вологодским госу-

дарственным педагогическим университетом под общей редакцией Т.Г. Паникаровской (редактирование 7–12-го выпусков осуществлено автором данной статьи). Объем материалов Словаря составляет около 160 печатных листов, количество опубликованных словарных статей превышает 26 000 единиц.

Этот словарь задумывался в 60-е годы прошлого века, когда во многих регионах страны развернулась активная сбирательская работа, нацеленная на изучение диалектной лексики [13]. Словарь базируется на обширной картотеке, составленной по записям живой народной речи населения центральных и восточных районов Вологодской области, а также Вельского района Архангельской области. При составлении картотеки Словаря были обследованы говоры свыше 500 населенных пунктов. В некоторых из них работа ведется уже в течение нескольких десятилетий. Информантами диалектологов стали мужчины и женщины, взрослые и дети, учителя школ, библиотекари, рядовые сельские жители. Их роль в судьбе Словаря вологодских говоров поистине неоценима. Существенное пополнение материалов для Словаря дали беседы с проживающими в Вологде лингвистически одаренными информантами-билингвами (филолог М.В. Жукова, геолог А.И. Труфанов, экономисты Л.В. Усов и Р.А. Усова, медицинский работник Р.Н. Хлебова, краеведы В.Ф. Лукичев, Н.А. Кукин и др.). Контакты, возникавшие в процессе работы с ними, содействовали получению достоверной информации о бытовании в говорах тех или иных слов.

В работе по изучению местной лексики были заняты многие преподаватели и студенты Вологодского государственного педагогического университета. Без их подвижнического труда подобный проект не мог бы осуществиться. Авторский коллектив Словаря благодарен всем тем, кто в разные годы участвовал в сборе материала и его обработке.

Словарь вологодских говоров является словарем дифференциального типа, т.е. включает в себя только диалектные, местные слова, не регистрируемые словарями литературного языка или сопровождаемые в них ограничительными пометами. В тексте двенадцати выпусков Словаря обнаруживаются, в чем убеждает сравнение со сводным академическим Словарем русских народных говоров (СРНГ), слова, отсутствующие в говорах других территорий: *другъзьба* ‘изба соседа’, *кокорзни* ‘вид санок’, *морозгом* ‘беспорядочно’, *навеселка* – ‘закваска’, *оклажий* ‘осанка’, *навторытель* ‘вторично’, *навоздыряться* ‘проработать до усталости’, *нагляденок* ‘миловидный человек’ и мн. др. Ряд лексем отличаются от соответствующих зафиксированных этим словарем слов своими значениями: *заборова* ‘перегородка в жилище’; *жучка* ‘кольцо из проволоки, вставленное свинье в губу, чтобы животное не рыло землю’, и др. По-видимому, подобные слова и создают специфику вологодских народных говоров в области лексики.

Обращает на себя внимание наличие в корпусе словаря особых диалектных корневых гнезд: *-гой-* (гойть, выгойть, гойтися, гойный, загойтися, нагойть, угойвать, угойтися, угойка с общей семой ‘чистить’), *-дор-* (дор, дорина, доринка, дорить, надорить с общей семой ‘сорить’), *-патр-* (патрать, запатранка, запатрать, запатраться, запатрашка, запатрүля, запатырь, запатыря, патрак, патрапуча, патрашество, патрашить, патрашник, упатрать, упатраться с общей семой ‘делать грязным’), *-роб-* (робить, доробить, доробки,

заробить, заробливый, поробить с общей семой ‘работать’), *-шам-* (шам, шамына, шамынка, шамынка, шамыночка, шамыть, шамынний, шамовито, шамовитый, шамок с общей семой ‘мусор, отходы’) и мн.др. Вершиной таких гнезд могут быть как выше-приведенные собственно диалектные корни слов, так и корни слов, известные литературному языку: *-зов-* / *-зыб-* (нázвице, нázов, назóва, назóвыи, назóвь, назóвье, назыв ‘название’) и др.

Диалектная лексика говоров Вологодской группы разнопланова в тематическом отношении. Представлены названия предметов местной одежды (*шубенка*, *шубник*, *шугай* – ‘полушубок’; *шубенка*, *шубня*, *шубница* – ‘рукавица из овчины’); наименования обуви (*паголешки* ‘род чулок, закрывающих ногу от щиколотки до колена’, *кáтанки* ‘валенки’, *үледи* ‘кожаная обувь пахаря, косца с завязками из веревки’, *үпаки* ‘мягкие сапоги с завязками’, *чárки* ‘кустарная женская кожаная обувь до щиколотки’, *чýбики* ‘полусапожки’, *чýпаки* ‘валенки’, *чýши* ‘обувь в виде мягких туфель без каблука’, *шептаники* ‘стоптанные, разношерстные валенки’); наименования блюд народной кухни (*моркóвница* ‘запеканка из моркови’, *муциóвка* ‘похлебка из воды с хлебом, луком и толокном’, *толокónник*, *толокняник* ‘пирог с начинкой из толокна’, *толкóуша* ‘кушанье из толченого вареного картофеля’, *толкóшка* ‘кушанье из толокна, залитого простоквашей’, *толстáя кáша* ‘густая каша из ржаной муки’); наименования местных выпечных изделий (*намáтии*, *троежýтник*, *шумáрник*, *шáньга*, *ягодник*); названия природных явлений (*чéреп* ‘наст’, *черностóп* ‘осенние холода без снега’, *шульгá*, *шурá*, *шух*, *шухá* – ‘мелкий лед во время ледостава’); названия растений (*журавýна* ‘клюква’, *убóрница* ‘клевер шуршащий’, *үзик* ‘тысячелистник обыкновенный’, *ягéль* ‘травянистое растение с дудчатым стеблем’).

Разнообразны в Словаре многочисленные наименования человека (*угáра* ‘смелый человек’, *шибанник* ‘хулиган’, *шияна* ‘медлительный человек’, *шумéра*, *ягárка*, *ягýшина*, *ягýшина* ‘грубая, невоспитанная женщина’, *яхонька* ‘человек, демонстративно выставляющий себя на первый план’, *язычник* ‘человек, чуждающийся физической работы’, *яркó* ‘вспыльчивый человек’ и мн. др.); наименования качеств человека (*просýжий* ‘положительный, хороший’, *уворóтливый* ‘ловкий’, *угúзливый* ‘скромный’); наименования действий человека (*басýться*, *гóить*, *нагуздáться*, *надодóниться*, *насолéться*, *урóбиться*, *шуговáть*); глаголы, характеризующие речевую деятельность человека (*трекать*, *щекарить*, *щекáтить*, *щековáть*, *щекóлдать*, *щекчýть*, *щектáть*, *щелковáнить*), и мн. др. Таким образом, словарь может быть полезным источником для исследований в русле антропоцентрической лингвистики.

Отмечены многочисленные факты вариантности слов: *акцентной* (*тýрик*, *тиорýк*; *тóропный*, *торóпный*, *торопнóй*; *хлéбина*, *хлебíна*), *фонематической* (*музgýрь*, *музgýрь*; *студенó*, *стуженó*; *шишебáр*, *шишебóр*), *морфемной* (*шишлять*, *шишлить*), *грамматической* (*девчóшка* и *девчóшко*, *шишебáр* и *шишебáра*). Подобные факты заинтересуют тех исследователей, которые работают в рамках современ-

ной диалектной вариантологии. Случаи трудноопределяемого морфемного состава (*шиварешка* ‘головастик’, *шйндрять* ‘бродить без дела, слоняться’ и др.) будут интересны специалистам по диалектной морфемике.

Обращает на себя внимание наличие в Словаре многозначных лексем: *сóгра*, *ядреный* – по 12 значений, *стáвница*, *стáвчик* – по 10 значений, *простóй*, *ярый* – по 9 значений, *спáрить*, *стáвец* – по 8 значений, *спицá* – 7 значений, *другóзьба* – 6 значений. Многие другие слова также демонстрируют развитую сеть семантических переходов и оттенков. Полисемия, как известно, это свойство развитой лексико-семантической системы. Многозначность слов в диалектах доказывает способность населения к обобщенному видению явлений окружающей действительности. Нередки в Словаре и случаи диалектной омонимии: *стан* – 3 омонима, *станóк* – 3, *становíна* – 2, *стúпа* – 2, *тáлина* – 2, *яру́шка* – 2 и т.д. Материалы Словаря показывают богатство в говорах и грамматической омонимии. Так, лексема *тóко* выступает в роли наречия, частицы, функционирует и в качестве союза; лексема *дак* – в роли союза и частицы и т.д.

В грамматическом отношении интересны зафиксированные Словарем целые лексико-морфологические разряды слов: адъективированные причастия *забывáющий* ‘забывчивый’, *светáщий* ‘блестящий’, *тирующий* ‘устраиваемый с застольем (о празднике)’, *гуля́щий* ‘проходящий без застолья (о празднике)’; прилагательные, обозначающие малую степень проявления признака: *салá* ‘красноватый’ *скоричнá* ‘коричневатый’, *ссерá* ‘с сероватым оттенком’ и др.

Чрезвычайно богатым выглядит в вологодских говорах класс диалектных наречий: *дéнно* ‘днем’, *дивáй* ‘хорошо’, *доутúры* ‘досыта’, *доумориá* ‘очень сильно (о заразительном смехе)’, *другóмá* ‘вторично’, *запрохóд* ‘всегда’, *кóйднись* ‘недавно’, *наблагóе* ‘назло’, *навéрсы* ‘верхом’, *наверхосы́тку* ‘в завершение приема пищи’, *надéйно* ‘надежно’, *наопако* ‘нанесение’, *напрótаку* ‘необдуманно’, *стамиком* ‘вертикально’ и др. Они отличаются вариативностью (*тáмо*, *тáмой*, *тáмока*, *тáмось*, *тáмотка*; *товдý*, *товдýсь*, *товдýся*; *тогóдни*, *тогóднись*), развивают многозначность (*тóленько* ‘очень’, ‘много’, ‘слишком’, ‘тяжело’, ‘мучительно’), вступают в синонимические отношения (*товдý* – *тогдáлеча* – *тожнó* – *тóли*).

Зафиксированные словарные материалы показывают, что для народного сознания очень важным является обозначение различных состояний человека, жилища, природы. Для этого используются слова категории состояния, количество которых, как кажется, весьма значительно: *забéдно* ‘обидно’, *зарено* ‘завидно’, *мóркотно* ‘тоскливо’, *муковáто* ‘тяжело’, *наéдко* ‘сытно’, *убóрно* ‘о порядке в доме’, *убróдно* ‘о большом количестве рыхлого снега’, *удóбно* ‘желательно’, *уéдно* ‘сытно, не голодно’, *улéжно* ‘приятно, хорошо’, *дивáй* ‘легко, просто’ и мн. др.

Лингвогеографов и специалистов по семантике заинтересуют отразившиеся в Словаре многочленные дублетно-синонимические ряды слов: *двóрник*,

доживáло, *домовенок*, *домовíк*, *домовичóк*, *домовníк*, *домовицíк*, *домозóр*, *доморáд*, *живóтник*, *завладáй*, *примáка*, *приемыши*, *подшестóчник* и др. ‘мужчина, перешедший на жительство в дом жены’; *зарýба*, *загóльник*, *нагóльши*, *найденыши*, *пригóльши*, *приколóтыши*, *приколóток*, *пóйши* и др. ‘незаконнорожденный ребенок’; *сувéя*, *сугребок*, *сузем*, *сулóй*, *сумет* ‘сугроб’; *сúшка*, *сúщик*, *сущ*, *сущéц*, *сущóвка* ‘сущевая мелкая рыба’; *сухáрник*, *сухопостóй*, *сухопостóйник*, *сухостóина*, *сущиáна*, *сущиíк*, *сущé* ‘засохшие на корню деревья’; *шульгá*, *шурá*, *шух*, *шухá* ‘мелкий рыхлый лед, идущий перед ледоставом или во время ледохода’.

Серьезное отношение населения к труду, а также привычность, необходимость его породили множество экспрессивных глаголов со значением ‘устать, утомиться, выполняя тяжелую физическую работу’: *убúхаться*, *увóйкаться*, *увóшкаться*, *уздýкаться*, *уколотýться*, *улáдиться*, *уломáться*, *умарóхаться*, *умýкаться*, *упантовáться*, *улистáться*, *устарóхаться*, *устóсаться*, *утигóститься*, *утóркаться*, *уторóпаться*, *утрýскаться*, *утóкаться* и мн. др. Подобные материалы в их единстве с архангельскими, карельскими, вятскими, костромскими, ярославскими фактами позволяют установить ареалы бытования слов и, кроме того, дадут надежные свидетельства генетической связи некоторых говоров позднего образования с их материнской основой.

Представленные в Словаре материалы позволяют судить о разновременности появления в русском языке тех или иных слов. Так, к эпохе общеславянского языкового единства возводятся слова *бáять*, *góить*, *чýть*. Многие словарные статьи в Словаре демонстрируют глубокую архаику севернорусских говоров, проявляющуюся в сохранении старинных славянских слов: *надéя* ‘надежда’, *точéя* ‘ткачиха’, *тóча* ‘процесс тканья; продукт ткачества’, *трепéй* ‘женщина, занятая трепанием льна’, *мытéя* ‘женщина, которая моет что-либо’, *мóча* ‘процесс мытья’ и т.д. Можно выделить слой субстратной лексики, восходящей к финно-угорским языкам, а также слова, заимствованные из этих языков: *лýва* ‘низменное сырое место’, *мóрда* ‘ловушка для рыбы’, *мáнда* ‘сосна с неплотной рыхлой древесиной’, *кóнда* ‘сосна с плотной древесиной’, *согrá* ‘болотистое место, поросшее лесом’, *тáйбола* ‘труднопроходимый лес’, *улúк* ‘палка, которой взбивают шерсть’, *ўпак* ‘старый валенок с отрезанным голенищем’, *урéма* ‘дремучий лес, чаща’, *вýрéц* ‘ящик для выращивания рассады’, *сáрга*, *шáрга* ‘металлическая полоска, скрепляющая полотно косы с деревянной ручкой’ и др.

Народная речь отличается повышенной экспрессией и эмоциональностью. В составе обработанных материалов наблюдается большое количество эмоционально окрашенных слов: *безрáха* ‘неряха’, *тощúха*, *трекáло*, *трепúшка*, *трефíло*, *трýндище* ‘болтливый человек’, *хабáра* ‘громкоголосый человек’, *хайлúн* ‘неприветливый человек’ и др. В этом материале можно выделить прилагательные, характеризующие внешность человека: *толстобóрый*, *толстоголóвый*, *толсторóжий*, *толстохáрий*, *толстопáтый* и мн. др., которые активно выступают в

качестве производящих для имен существительных: *толстобрый*, *толстоголовик*, *толстопузик* и т.д. Интерес представляют и такие сложные существительные, как *толстожир* ‘богач’, *толстодум* ‘медленно соображающий человек, тугодум’. Ряд наименований содержит положительную оценку качеств человека: *просу́жий* ‘положительный по своим качествам, хороший’, *тодельный* ‘усердный, исполнительный, трудолюбивый’, *тороватый* ‘ловкий, распоропный; разговорчивый, гостеприимный’. От этих прилагательных также могут образовываться существительные со значением лица, например: *тодельница* ‘рукодельница’.

Материалы Словаря вологодских говоров могут заинтересовать специалистов в области аксиологии. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что языковая картина мира у жителей данной территории своеобразна. В этом отношении показательны, например, диалектные названия овцы. Крестьяне с присущей им скрупулезностью обозначают отдельными наименованиями овцу вообще (*ягнушка*, *ягу́шечка*, *ягушка*, *яру́шка*, *яра*); молодую овцу (*матерка*, *ярочка*, *яру́шка*); овцу, у которой вскоре будет приплод (*ягница*); овцу, которая объягнилась в первый раз (*ярица*); ягненка (*ягнёчик*, *ягнетко*, *ягнятко*, *ягнятишко*, *ягушек*); маленьку овечку (*ягушка*, *ягнушка*, *яру́шка*, *яру́шечка*); барана (*ярён*), непослушную овцу (*ягáрма*) и др. Многочисленные наименования овец имеют в своей основе звукоподражательные ассоциации (*бáша*, *бáша*, *чáга*, *чáка*, *чега*, *чека*, *чýга* и др.). Наименования овец по цвету шерсти (*серáвка*) оказываются менее актуальными ввиду того, что разные породы овец на северных территориях практически не разводились.

Составители Словаря убедились в том, что у жителей данной территории отмечается своеобразная фоносемантическая картина мира, отражающаяся в обилии местных звукоподражательных наименований (*фíпик*, *фúпик*, *фýпик* ‘снегирь’, *фíньгать* ‘ныть, хныкать’, *фúньгать* ‘говорить гнусаво’, *хáмканье* ‘кашель’, *щекóлда* ‘болтливый человек’, *щекчýть* ‘болтать’ и др.) и подзывных слов (*тась-тась*, *тко-ткó*, *тю-тю*, *тюти-тюти*, *тпрука-тпрука*, *тпруко-тпруко*, *тпруки-тпруки*, *тпрукóн-коп* и др.).

Образность мировидения крестьян отражают представленные в Словаре фразеологические единицы. Это такие обороты, как *выйти с ложками на тóр* ‘допустив какую-либо оплошность, оказаться в невыгодном или смешном положении’, *тóк о крóк не стúкнет* ‘о ленивом человеке’, *тычь тýчью ‘вплотную’*, *тóком остáться ‘обессилеть’*, *ум отъéсть ‘о чем-либо очень вкусном’* и др. Многочисленные и, как представляется, информативные фразеологические единицы концентрируются вокруг жизненно важных понятий ‘ум’, ‘хлеб’, ‘язык’ и др.: *жить в разных хлебáх* ‘вести хозяйство раздельно (о членах одной семьи)’, *хлеб-соль заемные ‘о жизни в доме зятя’*, *идти на готовые хлебá ‘умирать’*, *не хлéбы-кóлобы ‘о тяжелых жизненных условиях’*, *вымять шубный язык ‘овладеть языком (о маленьком ребенке)’*, *как за язык подвешенный ‘о человек, который много говорит’*, *шерстяной язык ‘о способности предсказывать что-либо нехорошее’*.

Среди фразеологизмов особую группу составляют этикетные, благопожелательные выражения: *Хлеб на под!* – тому, кто печет хлеб; *Мóре под кормáлицей!* – тому, кто доит корову; *Мýло в корýто!* – тому, кто стирает белье; *Лéбеди на бýк!* – тому, кто полощет белье; *Рыб на лóвлю!* – тому, кто идет на рыбалку; *Рéна сáло!* – тому, кто режет скотину на мясо; *Пух под нóжницы!* – тому, кто стрижет овцу; *Мáсло жéлтó да в крутиночку!* – тому, кто сбивает масло; *Сóли на язык!* – тому, кто сквернословит, и мн. др. Значительное количество подобных благопожеланий в Словаре свидетельствует о соблюдении населением в процессе общения коммуникативного принципа вежливости.

Таким образом, диалектные материалы вологодского дифференциального словаря рисуют выразительную картину, позволяющую судить о духовной и материальной жизни народа на данной территории и системе его ценностей.

Множество слов и фразеологических единиц в Словаре вологодских говоров (*другдзьба*, *стáвец*, *стáвчик*, *стáн*, *станови́на*, *сряжáться*, *ярúшиник* и мн. др.) сопровождаются добрым иллюстративным материалом. Так, слово *зýвкать* ‘вскрикивать, произнося междометие «ой»’ иллюстрируется широким контекстом: *Бóльно любит кóт игрáть со ста́рúхой. Онá сéдет на кровáть, а он и зацынет бáловать у ее с ногáм – онá только зýвкает*. В Словаре убедительно иллюстрируются и фразеологические обороты: *Нáдо éхать домой. Леонíд мне никогда ничего кроме «мáча» не сказáл, да ведь все равно тут у менé хлеб-соль заемные*. Представленные цитаты дают полноценную информацию о реалиях крестьянской жизни и традициях, связанных с использованием в крестьянской культуре как самих слов и фразеологических оборотов, так и обозначаемых ими предметов и понятий, позволяют рассматривать вологодские говоры как зеркало народной культуры, психологии и философии. Вологодские диалектологи видят в Словаре и его картотеке неистощимый источник уникального материала по истории населения, устройству его быта, особенностям мировосприятия и миропонимания. Очевидно, что, помимо собственно лингвистической информации, записанные образцы народной речи позволяют исследователям судить о старинном быте населения, трудностях и лишениях крестьянской жизни, народной смекалке, мудрой ироничности людей. Многочисленные фразы демонстрируют особенности житейской педагогики, неистощимый юмор населения, позволяют наблюдать отражение в материалах Словаря языкового сознания диалектносителей и т.д. Поэтому Словарь вологодских говоров будет полезен не только лингвистам, но и специалистам самого широкого круга.

В предложенном обзоре мы остановились преимущественно на выигрышных сторонах Словаря вологодских говоров. Однако заметим: он, что, впрочем, вполне естественно, имеет и немало недостатков. Но в оправдание уже и сейчас позволительно с удовлетворением сказать: *Feci, quot potui, faciant meliora potentes...* Что можно было сделать в сложившихся условиях, авторским коллективом сделано.

Высокой оценкой Словарю вологодских говоров является его использование в качестве источника лексического материала для уже созданных и подготавливаемых в настоящее время разноспектных исследований: М.А. Алексеенко [1]; Е.П. Андреевой [2]; Н.С. Ганцовской [3]; Л.Ю. Зориной [4]; И.А. Кобелевой [5]; Л.М. Козневой [6]; И.Е. Колесовой [7]; Л.П. Михайловой [8]; Овсянниковой Т.Г. [9]; А.А. Попова [10]; А.Р. Поповой [11]; А.А. Соколовой [14]; И.С. Урманчеевой [15]; Е.Н. Шабровой [16]; Л.Г. Яцкевич [17] и др.

Работа над Словарем вологодских говоров будет продолжаться и в дальнейшем. Вологодские диалектологи начали обработку нового диалектного материала, чтобы впоследствии влить его в корпус второго издания. Планируемое издание будет, по-видимому, состоять из трех-четырех томов, что сделает словарь более удобным для читателей и исследователей. По предложению редколлегии академической серии «Памятники русского диалектного слова» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН) Словарь вологодских говоров будет опубликован именно в этой серии.

Литература

1. Алексеенко, М.А. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь / М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусова, О.И. Литвинникова. – М., 2004.

2. Андреева, Е.П. Фонетически мотивированные слова в вологодских говорах (на материале глаголов, обозначающих звуки живой природы) / Е.П. Андреева // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2008. – С. 46–59.

3. Ганцовская, Н.С. Материалы Словаря вологодских говоров как источник географической атрибуции говоров Костромского акающего острова / Н.С. Ганцовская // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2008. – С. 18–29.

4. Зорина, Л.Ю. Традиции народного речевого этикета в говорах Вологодской области (трудовые благопожелания в ситуации сбивания масла) / Л.Ю. Зорина // Рябининские чтения–2007: материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. – Петрозаводск, 2007. – С. 220–222.

5. Кобелева, И.А. О фразеологии вологодских говоров / И.А. Кобелева // Говоры Вологодского края: аспекты изу-

чения: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2008. – С. 41–46.

6. Кознева, Л.М. История форм настоящего времени глагола *быть* в вологодских говорах / Л.М. Кознева // Актуальные проблемы диалектологии: тез. межвуз. науч. конф., посв. 60-летию диалектологических исследований в ВГПУ. – Вологда, 2000. – С. 29–31.

7. Колесова, И.Е. Состав корневых алломорфов и лексико-семантические зоны исторического корневого гнезда *лить* в современных вологодских говорах // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2008. – С. 181–190.

8. Михайлова, Л.П. Лексикализация несистемных фонетических явлений в вологодских говорах // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2008. – С. 29–40.

9. Овсянникова, Т.Г. Наблюдения над словом *сулема* в вологодских говорах / Т.Г. Овсянникова // Мир вологодского крестьянина в зеркале родной речи / науч. ред. Г.В. Судаков. – Вологда, 2004. – С. 92–95.

10. Попов, А.А. Названия насекомых и пресмыкающихся в вологодских говорах / А.А. Попов // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2008. – С. 112–121.

11. Попова, А.Р. Реализация слово- и фразеообразовательного потенциала соматизма *рука* в вологодских говорах / А.Р. Попова // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2008. – С. 88–102.

12. Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской. – Вологда, 1983–2007. – Вып. 1–12.

13. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М.; Л.; СПб., 1965–2007. – Вып. 1–41.

14. Соколова, А.А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений. Географическая интерпретация диалектных образов / А.А. Соколова. – СПб., 2007.

15. Урманчеева, И.С. Экспрессивы со значением лица в говорах Вологодской области: дис. ... канд. филол. наук / И.С. Урманчеева. – Вологда, 2002.

16. Шаброва, Е.Н. «Словарь вологодских говоров» как источник изучения диалектной морфемики / Е.Н. Шаброва // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. – СПб., 2005. – С. 72–78.

17. Яцкевич, Л.Г. Мутационные словообразовательные типы отсутствующих суффиксальных имен существительных в вологодских говорах / Л.Г. Яцкевич // Словообразовательные и грамматические категории в языке и речи / науч. ред. Г.В. Судаков. – Вологда, 2007. – С. 170–184.